

Николай Владимирович Вехов

Потаенный уголок Русского Севера

О Летнем берегу Беломорья
(историко-краеведческий очерк)

Карта Антония Дженкинсона. 1562 год

Издrevле все берега Белого моря имели собственные названия, отражающие природно-географические особенности и историю освоения

каждого. Одним из первых подверглось русской колонизации южное побережье. Онежский полуостров и лежащее восточнее взморье под-

разделяется на Онежский, или Лямецкий (от города Онеги до мыса Ухт-Наволок), и Летний (от мыса Ухт-Наволок до устья Северной Двины) берега.

Большую часть Южного Поморья занимает Онежский полуостров. Известный специалист и знаток Русского Севера первой трети XX века А.А. Жилинский писал: «Онежский берег с низменным прибрежьем, на котором местами только встречаются небольшие песчано-глинистые возвышения и попадаются еще гранитные утесы; берег этот вообще значительно ниже предыдущих¹, самые большие возвышенности не превосходят 350 ф[утов]. Он покрыт довольно крупным сосновым и еловым лесом, встречается также и березняк. Летний берег каменист только на северо-западном своем конце; на половине расстояния между островом Жижгиным и губою Унскою берег образует песчано-глинистый обрыв, <...> и над ним приметный хребет лесистых гор, так называемые Летние горы, состоящие из пластов глины. К юго-востоку от этих гор прибрежье песчаное, невысокое»².

В приморской полосе и глубине полуострова сосредоточено множество рыбных озер и рек, где испокон веков промышляло местное население. Немало тут было в прошлом и речного жемчуга.

Полуостров делит южную область Белого моря на два крупных залива — Двинский и Онежский. Восточный район Южного Поморья — предустьевая часть Северной Двины — является своеобразными морскими воротами всего Русского Севера. Здесь же пролегают и два исторических пограничных рубежа, напоминающих о противостоянии

Участок Летнего берега Онежского залива.
Фотография С. Нечаева

в XIV столетии Великого Новгорода и Москвы при освоении этих территорий: «Онежский рубеж» на Лямецком берегу, где до сих пор существующую деревню Лямцы считают «уголком Москвы», и «Двинский рубеж» у Банева наволока около деревни Яреньги на Летнем берегу. Эта область Беломорья стала одним из основных очагов формирования уникального северорусского этноса — поморов.

В XX столетии Южное Поморье (в отличие от Поморского и Карельского берегов) вследствие его географически изолированного положения почти не затронула индустриализация и связанные с ней миграционные процессы. Избежали здешние селения и участки «неперспективных» деревень Нечерноземья, Терского и Зимнего берегов, оставаясь и в наши дни самобытными, хорошо сохранившимися, с постоянным и практически исключительно местным по происхождению населением.

* * *

Точное время появления русских на юге Поморья неизвестно. В первой половине XVI века на Лямецком берегу активно скупали или получали в дар соляные варницы и пожни³ Соловецкий и Кирилло-Белозерский монастыри. Самые ранние купчие датируются 1515, 1528, 1542 годами; в них фигурируют, соответственно, деревни Пушлахта, Лямца, Пурнема. Деревня Нижмозеро упоминается в лоции новгородца Марка Ивановича (начало XVI столетия)⁴. В рассматриваемый период деревни Лямецкого берега уже представляли собой большие многодворные поселения⁵. Каждое имело угодья, располагавшиеся от жилья в 20–30 километрах⁶. То есть обитали здесь на тот момент далеко не первопроходцы, поскольку на освоение подобных угодий уходило десятки лет.

Небезынтересны предания и легенды местных жителей «о себе». Так, Лямца, о чем уже говорилось, считается «уголком Москвы». Жители Пушлахты — «пуш-

лаходы» — с легкой руки английского дипломата и путешественника Антония Дженкинсона, в числе первых изобразившего эту часть Московии на карте, но почему-то отнесшего ее к территории Швеции⁷, вели свое происхождение от шведов. Пурнемчане считали себя потомками новгородцев, однако, по «мнению приходских священников» середины XIX века, могли являться «карелами, совсем обрусевшими»⁸. Нижмозерцев соседи дразнят кайванами⁹. Историк П.С. Ефименко цитирует рукописные заметки одного из этих священников — Дьячкова: «Сначала, говорит народное предание, в Нижмозере жила чюдь. Старожилы и сейчас называют места, которые она занимала. <...> Впоследствии стали приходить из Новгорода и из Корелы поселенцы и селились тут же. Таким образом, нынешние нижмозеряне производят себя от трех племен: чуди, новгородцев и кореляков»¹⁰.

В отличие от Лямецкого берега, на Летнем уже с давних времен существовали не только мелкие, но и ряд крупных поселений, сыгравших в истории этой области Поморья особую роль. О них, а также других здешних достопримечательностях, наш рассказ.

* * *

Начнем с деревни Солза — одной из ближайших к дельте Северной Двины. Первое упоминание о ней относится к 1555 году в связи с купчей крепостью на двор там Николо-Корельского монастыря¹¹. В разное время деревня носила на-

звания Солзекское, Солзекская слободка, Солзское. В 1910 году входила в состав Сюземской волости Архангельского уезда. Вот запись конца XIX века: «Солзенский приход состоит из одного селения того же имени, находящегося от Архангельска в 50 верстах. В ней две деревянные церкви, обе в честь Воскресения Христова. Одна, более древняя, построена на средства местных крестьян в 1761 г., в ней один престол во имя Воскресения Христова; <...> в одной связи с ней стоит колокольня весьма ветхая. Другая церковь устроена в 1892 г., в ней два престола: главный во имя Воскресения Христова и придельный во имя иконы Божией Матери, именуемой «Троеручица». <...> В 1893 г. открыта школа грамоты. <...> Прихожан к 1 янв. 1894 г. состояло 158 м. п. и 196 ж. п., <...> проживают они <...> в 57 дворах близ приходских церквей»¹². Сегодняшняя Солза — это дачный поселок с постоянным населением около 50 человек.

Здесь нельзя обойти вниманием упомянутой выше «Николаевский Корельский монастырь». В летописях нашего отечества этот монастырь достопамятен тем, что сюда в 1553 году случайно пристал на корабле, спасшемся от бури, англичанин Ченслер¹³, начальник английской морской экспедиции, отыскивавший путь в Индию и нашедший у царя Иоанна Васильевича Грозного гостеприимный прием и получивший потом право на беспошлинную торговлю с Россией. Так неожиданно был открыт новый путь для сношений с Западной Европой и положено начало загранич-

ной торговли России морским путем через Белое море»¹⁴. Позже «подле монастырских стен существовала и корабельная пристань для английских и других иностранных судов. Когда спустя 31 год после первого появления иностранного корабля в северных водах России на севере возник новый торговый пункт — город Архангельск, то долгое время называли его портом св. Николая. С 1584 года — времени основания Архангельска — иностранные суда стали приставать к вновь возникшему порту как наиболее удобному торговому пункту и временное оживление вокруг монастыря прекратилось; обезлюдело и место под монастырем. Безлюдьем смотрит оно и теперь (в 1902 году. — Н. В.) на пустынный монастырский берег и на монастырские здания, от которых веет глубокой стариной»¹⁵.

Основал обитель «в 1410 году <...> преподобный Евфимий, просветитель корел»¹⁶. «Но едва усердный труженик успел построить храм святителя Николая и несколько келий, как в 1419 г. норвежские разбойники напали на монастырь, сожгли церковь и умертвили несколько иноков»¹⁷. Двинская летопись дополняет: «Пришедшие мурманы (норвежцы. — Н. В.) войною 500 человек с моря в бусах и шняках (виды судов. — Н. В.) и повоевоша <...> Корельский монастырь святого Николы <...> а христиан и цернцев (чернецов, монахов. — Н. В.) посекали»¹⁸. Через четверть века, в 1445 году, норвежцы снова напали. Новгородская летопись: «Приидоша <...> мурмане безвестно за Волок на Двину ратью на Нёноксу (см.

ниже. — Н. В.), повоевав и пожгоша и людей пересekoша, а иных в полон поведоша. Услышав то, двиняне, приидоша вборзе, иных иссекоша, а иных прислаша в Новгород с четыредесят, а воевод их, Ивора и Петра и третьего, убиши, иные же <...> отбегоша»¹⁹.

Прошло не так много времени, и разоренный монастырь был восстановлен и даже обогатился «значительными вкладами и вотчинами. <...> Сильная властью и значением среди новгородцев, владевшая богатыми угодьями посадница Марфа отправила двух своих сыновей Антона и Феликса осмотреть свои поморские вотчины». По преданию, они утонули во время бури, но их тела на двенадцатый день «были принесены морскими волнами к берегу монастыря. Здесь тела утонувших были погребены и на месте погребения была устроена часовня, существующая в совершенно измененном виде и до настоящего времени (1902 год. — Н. В.). Печальный конец любимых детей Марфы Борецкой, погребенных в Николаевско-Корельском монастыре, нравственно связал ее, сделал близкой к этой обители. В запустевший монастырь от новой благотворительницы потекла щедрая помощь в виде отданных во владение ему вотчин, сенокосных лугов, тоней (рыболовных угодий. — Н. В.) и солеварниц»²⁰.

Но «недолго посадница Марфа Борецкая оставалась покровительницей монастыря. Смутные события новгородской жизни дали повод Великому князю Иоанну III вмешаться в новгородские дела и подчинить Новгород своей власти»²¹. Однако ми-

*Николаевский Корельский монастырь.
Северодвинский краеведческий музей*

Фотографии начала XX века

*Соборный храм Никольско-Корельского монастыря
в начале 1930-х годов*

лостей монастырь не лишился. Жалованная грамота 1542 года подтверждала его права на близлежащие деревни Летнего берега — Кяхту, Нёноксу и другие, а также предписывала «наместникам, волостелям и тиунам во время проезда по монастырским селам корма даром не брать; с десяти возов соли или рыбы, отправляемой в Вологду или Каргополь, или с судна «против десяти возов» и с припасов никаких пошлин не брать»²². Грамотой же 1454 года монастырю дозволялось «завести соляные варницы и сечь лес в Сюзьме и Ижме. Если бы кто пожелал поселиться в названных соляных варницах, тот освобождался от великих податей на десять лет». Была и третья грамота — 1551 года, согласно которой монастырь мог «провозить беспошлинно 4000 пудов соли в Вологду и столько же пудов разного рода запасов» для братии. В 1578 году «монастырских людей» освободили от государственной службы.

«В этом же году <...> монастырь получил подтверждение своих прав на владение соляными варницами в Уне, Нёноксе, Варзуге и Солзе²³, вместе с этим названные деревни освобождались от земских повинностей, а соляные промыслы и рыбные ловли — от оброка.

При царе Василии Ивановиче Шуйском грамотой 1607 года <...> были подтверждены все прежние грамоты и права на владение землями, «рушители» которые «ни в чем никому не велено». Благочестивый царь Михаил Федорович оказал Николаевскому Корельскому монастырю милость, дозволив в 1636 году продавать бес-

пошлинно 8000 пудов соли. Грамотой 1642 года <...> монастырю разрешалось возить на одном дощанике (речное судно. — Н. В.) 6000 пудов соли для продажи по городам беспошлинно и на вырученные деньги покупать для монастыря съестные припасы также беспошлинно»²⁴.

«Не отставали от государей в деле благотворительности небогатому Никольскому монастырю и частные лица, которые своими вкладами давали возможность привести обитель в более благоустроенный вид». Это были «царствующего града Москвы жители А.П. Прозоровский, И.М. Салтыков, И.А. Голицын, С.Л. Стрешнев, боярские фамилии — Нарышкиных, Милославских и т. д. Немало записано в синодиках имен жителей Архангельского края, как, например, нёнокшан, холмогорцев, варзужан, лямцев и др. Множество лиц и их разнообразие показывает, что Николаевский Корельский монастырь имел важное значение в религиозной жизни Крайнего Севера»²⁵.

Во второй половине XVI века «в монастыре было 20 монахов, монастырь деревянный, церковь красива; дома низки с маленькими окнами. <...> Жилищ около монастыря нет, а только 4 дома да здание, построенное английской компанией для собственных нужд»²⁶.

В 1764 году при реорганизации монастырской системы в России Николаевский Корельский монастырь «отчислен к разряду третьеклассных и настоятелями его должны быть игумены»²⁷.

Предпримем краткий экскурс в историю монастырского строительства.

«Данная <...> монастырю грамота Мафры Посадницы показывает, что церковь святителя Николая Чудотворца была самой древней в восстановленной после сожжения и норвежского нашествия в 1419 г. Никольской обители. <...> В описи монастыря <...> 1601 г. <...> находятся уже указания на две церкви: святителя Николая и Успения Божией Матери. <...> В писцовых книгах <...> 1622 года мы читаем: «У моря в нижней половине на Подужемском устье монастырь Николаевский на Корельском берегу, а на монастыре церковь Николы Чудотворца деревянная, другая церковь Успения Пресвятой Богородицы деревянная же с трапезой»²⁸.

«29 мая 1664 года было заложено основание для постройки каменной церкви во имя Успения Богородицы с трапезой и внизу со многими погребями, а в 1667 г. 10 ноября она была освящена. <...> Каменная церковь святителя Николая с приделом св. апостолов Петра и Павла заложена 3 июня 1670 г. и 9 сентября 1673 года <...> была освящена. Названные церкви в 1684 году были соединены каменными переходами с двумя крыльцами. <...> В 1700 году при Успенской церкви была выстроена каменная трехэтажная колокольня, на которой находились колокольные часы и десять колоколов. <...> Украшением Николаевского монастыря служит соборный храм во имя святителя Николая — с пятью главами, покрытыми деревянной чешуей»²⁹.

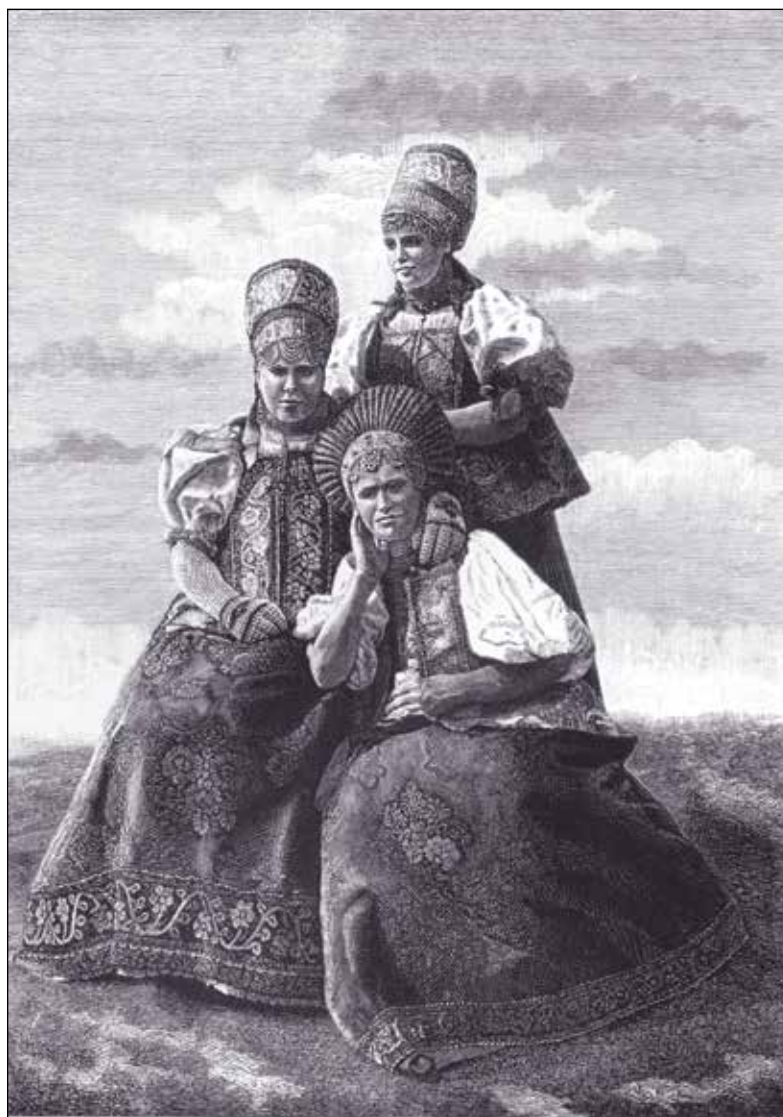
«Под церковью Успения Богородицы <...> в 1887 году была устроена небольшая церковь во имя Боголюбской богородицы. <...> Зданий, назначенных для братии и разного

рода служб, в Никольском монастыре немного. В 1674 году выстроен каменный одноэтажный корпус для братии; в нем помещалась также братская столовая, пекарня, квасная, сушильня и др. <...> В 1852 году над названным корпусом надстроен второй этаж, деревянный. В верхнем этаже находится помещение и для настоятелей монастыря. В первый раз монастырь был обнесен деревянной оградой с шестью башнями в 1691–1692 гг.; существующая же в настоящее время (1902 год. — **Н. В.**) устроена около двадцати лет назад»³⁰.

На рубеже XVIII–XIX веков Николо-Корельский монастырь уже считался бедным. «Бедность и скудость средств, а также и уединенность и пустыньность были <...> причиной того, что в монастыре в настоящее время (1902 год. — **Н. В.**) нет училища и больницы, <...> хотя грамотой <...> 1714 г., <...> а также и указом 1809 г. повелевалось учредить училище и в Никольском монастыре». Однако в Архангельске у обители имелось подворье — «два каменных корпуса; в одном из них, смежном с церковью, помещается братия, трапеза с кухней, кладовые и т. д., а в другом, устроенном в 1895 году, находятся помещения и кладовые, сдаваемые в аренду. К монастырю принадлежит и Николаевский скит на острове Новая Земля. <...> Скит находится в становище Малые Кармакулы и устроен с целью просветить евангельским учением <...> самоедов и удовлетворить религиозной потребности промышленников, приезжающих туда на лето». Небезынтересно, что идея об организации здесь

Нёнокса.
Фотография И. Бармина

Девушки из посада Нёнокса.
Из книги: Суслов В.В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 188 ?

скита «восходит еще в XVII веке, когда грамотой патриарха Иоасафа II 1 января 1672 г. <...> предписывалось послать на Новую Землю священника с псаломщиком». Но лишь в 1878 году командированный в залив Моллера на Южный остров Новой Земли для «устройства приюта и для наблюдений» поручик корпуса флотских штурманов Евстафий Алексеевич Тягин из здания деревянной «караулки» соорудил для самоедов часовню во имя святителя Николая. В 1887-м часовня была обращена в церковь, а в 1889-м «с разрешения Св. Синода на Новой Земле учрежден монашеский скит, приписанный к Никольскому монастырю»³¹.

В 1921 году монастырь национализировали, в нем некоторое время располагалась колония для малолетних преступников, а в 1929-м образовалась сельхозкоммуна «Искра». В 1936-м здесь началось строительство поселка, всего через несколько лет превратившегося в город Молотовск (современный Северодвинск). Градообразующее предприятие — завод оборонного комплекса «Севмаш» — вскоре поглотило монастырские здания, приспособив их для своих нужд. В 1990-х годах часть зданий, в том числе Никольский собор, были возвращены Русской Православной Церкви.

* * *

В нескольких десятках километрах к западу находится старинная деревня Нёнокса, расположенная на левом берегу одноименной речки. «В лето 1397 дались двиняне к великому князю Василию

Дмитриевичу Московскому, сыну великого князя Дмитрия Ивановича Донского, и князь великий разверже мир с новгородцы»³². Василий Дмитриевич ответил «давшимся» ему двинянам Уставной грамотой, где среди селений Двинского Понизовья и беломорских побережий названа Нёнокса (Нонакса). В XVI веке это — крупный по тому времени посад. Основным занятием нёнокшан — государственных крестьян — издревле являлась добыча соли. Кроме крестьян, в Нёноксе жили и работники пяти северных монастырей — Николо-Корельского, Сийского, Соловецкого, Кирилло-Белозерского и архангельского Михайловского, имевших там соляные варницы. Свой «исконный промысел добывания соли из соляных источников» Нёнокса сохраняла вплоть до конца XIX века. «Ныне (1898 год. — Н. В.) жители посада, 600 чел., составляют утвержденное правительством Общество солепромышленников Нёнокского посада Архангельской губернии и участвуют в солеварении по душевым и наследственным паям. <...> Вываренная соль складывается в общественные амбары по четырем сортам выварки и продается за общественный счет в Архангельске, куда перевозится на особых строящихся в посаде судах — клиперах и карбасах. <...> Такие суда поднимают соли от 800 до 1000 пудов. Вываривается соли ежегодно 60-90 тыс. пудов»³³.

Нёнокса являлась и одним из самых старых православных приходов в Поморье.

«Нёнокский приход состоит из Нёнокского посада,

известного своими соляными варницами. <...> О времени образования прихода точных сведений не имеется. Но несомненно, что он весьма древний: он существовал еще до 1420 г., когда священником, может быть, первым, был Иоанн Венрев. Известно также, что в Нёноксе находились вотчины монастырей Кирилло-Белозерского, Сийского, Архангельского и Николаевского Корельского; вероятно, что первые древнейшие церкви устроились на средства этих монастырей. Ныне (1894 год. — Н. В.) в приходе четыре деревянные церкви: две приходские, кладбищенская и приписная. Из приходских одна — Троицкая — построена на средства прихожан в 1729 г.³⁴ В ней три престола: главный — в честь св. Троицы, придельный южный — в честь св. апостолов Петра и Павла и северный — Успения Божией Матери. Церковь эта одноэтажная, звездообразная, пятиглавая, на каменном фундаменте, устроенном в 1870 г., обшита тесом. Другая церковь построена в 1763 г в честь св. Николая Чудотворца. В ней, кроме Никольского храма, имеется в трапезе придельный — во имя св. великомученицы Параскевы. Церковь эта имеет вид корабля, двуглавая, также на каменном фундаменте и обшита тесом. При этих двух церквях имеется деревянная колокольня, построенная в 1834 г.

<...> В полуверсте от Нёноксы находится кладбище и на нем церковь, построенная в 1748 г., с двумя престолом: главным во имя священномученика Климента, папы Римского, и придельным — во имя Зосимы и Савватия, со-

ловецких чудотворцев. Церковь эта одноглавая, имеет вид корабля и обшита тесом.

Наконец, в 15 верстах от посада при реке Куртаевке на пустом месте находится однопрестольная церковь во имя св. Алексия, Человека Божия, построенная на средства прихожан в 1721 г. по случаю явления образа названного угодника Божиего. При церкви — колокольня в одной связи с ней. За оградой впереди алтаря стоит часовня во имя Алексия, Человека Божия, на том самом месте, где, по сказанию старожиллов, явился образ его на пне. Близ церкви имеются два дома — гостиницы для богомольцев с надворными постройками. <...> В одной версте от церкви находится «талец», или колодезь, вода которого ключевая — бежит из-под горы. <...> Все церкви Нёнокского прихода содержатся главным образом на арендную плату с сенокосных лугов <...> на Ягорском острове (остров Ягор. — Н. В.) и в Кудемской Петровской даче, также с 6-ти морских и 5-ти озерных тоней.

<...> Прихожан к 1 янв. 1894 г. состояло 642 м. п. и 732 ж. п.; почти все они принадлежат к мещанскому сословию и проживают в посаде близ приходских церквей»³⁵.

При всем однообразии поморских селений Нёнокса, тем не менее, выделялась на общем фоне. «Нёнокский посад вследствие какой-то случайности разбит на правильные участки с широкими прямыми улицами, самые дома его глядят как-то весело своими двумя этажами. Внем две церкви, из-за которых синее узкая полоса моря, удаленного от посада прямым путем на шесть верст. По улицам бродит пропасть коров, овец,

лошадей, попадает, против ожидания, много мужиков, и не в рваных лохмотьях, как в Солзе. Видимо, живут они зажиточно и живут большею частью дома, не имея нужды отходить от него»³⁶.

В настоящее время Нёнокса — центр одноименного административного округа.

* * *

«В 86 верстах от гор. Архангельска и в 13 верстах от Нёнокского посада»³⁷ находится деревня Сюзьма. «Дорога из Нёноксы в Сюзьму идет по берегу моря, поросшему лесом с тем особенно разительным признаком, что обращенные на север ветви совершенно обнажены от листьев и хвои. <...> Дорога гориста. <...> Красивое село Сюзьма расположено на левом песчаном берегу реки того же имени, через которую переправа на пароме»³⁸.

Это одно из первых русских поселений в Поморье «существует давно, и в прежнее время составляла вотчину Сийского монастыря, как значится в Двинских писцовых книгах XVII века. Монастырю принадлежали дикие леса, треть реки Сюзьмы с ловлями красной рыбы (семги) и сена сто копен. Покосы простирались за сорок верст вверх по Сюзьме. Грамотой великих государей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, данной 1693 года февраля 28-го дня, <...> подтверждено о владении Сийскому архимандриту Никодиму с братией по Сюзьме реке в третью часть рыбными ловлями. <...> По той Сюзьме реке, говорится в грамоте, рыбные ловли и сенные покосы, и на устье Сюзьмы реки соленой промысл-вар-

ницы, и двор монастырский, и крестьянские дворы, <...> и к варницам пристань.

Следы варниц видны и теперь (1860-е годы. — Н. В.) на берегу моря; но монастырский двор, имевший, по рассказам жителей, сорок дверей, где жили старец, приказчик монастыря с рабочими, снят и частью употреблен в постройку крестьянских дворов. С соленого промысла и красной рыбы платил монастырь в казну десятую часть. По описям, учиненным в 1764 году всем монастырским имениям губернии, деревня Сюзьма заключала тогда только 25 душ. Промысел красной рыбы ведется донныне; он обыкновенно начинается в сентябре по уборке жатвы и сена; бывает велик или мал, смотря по ходу рыбы; улов вывозится в Архангельск для продажи. Наваги, корюшка, сельди, камбалы, сизи, морские окуни, вьюны, щуки, треска, <...> редко и не в большом количестве кумжа и семга ловятся в мережи, расставленные по всему морскому берегу. Кроме этого, в весеннее время с марта месяца производится неводами лов белуг и нерпы, которых обыкновенно колот и, вырезав сало, по растопке продают. Для этой ловли ходят на карбасах по береговым припайкам и носятся по морю около льдин, бывая ночь и день на открытом воздухе.

В густо растущих здесь лесах, состоящих из сосняка, ельника, березняка, осинника и ольхи (лиственницы нет), водятся медведи, волки, лисицы, куницы, белки, горностаи, зайцы, выдры, олени; из птиц: гуси, лебеди, орлы, журавли, совы, чухари, рябчики и утки разного рода. Из пресмыкающихся: неболь-

Вид Сюзьмы.

Гравюра на камне П. Бореля

шие змеи. Из растений лекарственных: ромашка, верески, богородская трава, полынь, мать-мачеха; из приносящих ягоды: рябина, черемуха, малина, вкусная морошка, земляника, костяника, клюква, брусника, черника, смородина черная и красная, а также грибы разных видов.

Есть примечание, что в реках, наполненных камнями, или где, по выражению крестьян, каменные переборы, водится жемчуг; в речках Онежского и Кольского уездов это открыто, и там ловят — или по крайней мере прежде ловили — жемчуг. Руководствуясь этим приме-

чанием, я следил реку Сюзьму, она мелка и везде наполнена камнями так, что в малую воду трудно проплыть в лодке, не дотрагиваясь до них; камни при спадении воды торчат и высовываются повсеместно, но закрыты во время прилива. И здесь найдены жемчужные раковины, темно-желтые, овальные; они водятся от устья Сюзьмы верст за 8. Жители местные знают это, но к ловле нет между ними охотников. Один только крестьянин занимался назад тому лет 10 ловлей раковин, но старался иметь этот промысел в секрете. Зерна добываются синева-

тые или красные с просинью, следовательно, незрелые, и в малом количестве. Наши архангельские ловцы жемчуга относительно ловли его мало имеют познания»³⁹.

До 1856 года простояла первая в этом селении церковь — «во имя преподобного Антония Сийского, устроенная, вероятно, еще в давние времена на средства Сийского монастыря». Во время рейда по Белому морю англо-французской эскадры церковь подверглась разрушению; вместо нее на «Высочайше пожалованную сумму в 1861 г. построена нынешняя (1894 год. — **Н. В.**) во имя того же святого»⁴⁰. Храм был деревянным, крытый железом, одноглавый и однопрестольный.

Сюзьма приобрела популярность в крае с 1830-х годов «как место морских купаний. Зажиточные жители Архангельска приезжают сюда в июле и нанимают помещения в крестьянских домах, в которых устроены ванны для морской воды, нагреваемой довольно первобытным способом — посредством раскаленных камней. <...> Сюзьма в своих обрядах, обычаях и женских нарядах хранит еще много любопытных остатков старины»⁴¹.

Ныне поселение так и пребывает в статусе деревни.

* * *

Далее на северо-запад по Летнему берегу стоит деревня Красная Гора. Из записок путешественника (конец XIX века): «Проехав полями, засеянными рожью и ячменем, путник въезжает в лес. Дорога идет по берегу шумящей в порогах р. Сюзьмы; во второй половине пере-

Беломорские промышленники.

Рисунок Н. Лосева. Гравюра по дереву А. Шлипера

гона дорога снова выходит к морскому берегу и приводит к деревне Красной Горе»⁴².

Согласно бытующей легенде, название деревне дал в 1694 году проходивший мимо на боте Петр I, которому местные женщины, высыпав на гору, махали в знак приветствия красными платками.

* * *

В 10 верстах от Сюзьмы располагается интереснейший природно-географический объект — Унская губа. «Не доезжая нескольких верст до Уны (см. ниже. — Н. В.) с крайней и последней к морю горы можно (с трудом, впрочем) усмотреть небольшой край дальней губы»⁴³. Это — «довольно большой залив, ковш, около 35 верст в длину и местами до 10 верст ширины; с южной стороны ковши вдается к юго-западу узкий рукав длиной до 12 верст. При устье от обоих краев Унского залива тянутся в море две длинные мели, усеянные камнями, <...> между ними проходит узкий пролив, имеющий длину на север около 5 верст, ширину до 3 верст, соединяющий Унский залив с морем (с Двинским заливом). Внешнее устье этого пролива ограничено мысами: Красногорским, или Красным рогом, с восточной стороны и Яренским рогом с северо-западной стороны. Унский залив — одно из красивейших мест на побережье Белого моря, берега его живописны, сама губа представляет большой фиорд»⁴⁴.

Унская губа «славится обильным ловом зимой в прорубях крупной наваги. <...> Поднявшись на Красногорский рог, путник видит перед

*Пертоминский монастырь.
Фотография 1886 года*

собой бедный и забытый, обнесенный вместо ограды палисадником Пертоминский монастырь»⁴⁵.

История Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря такова. «Основание пустыни положено было <...> в XVI столетии со времени обретения и прославления мощей преподобных Вассиана и Ионы, пертоминских чудотворцев. Вассиан и Иона были иноками Соловецкой обители, <...> посланы в Архангельск для приобретения нужных для монастыря запасов. На обратном пути из Архангельска их застигла страшная буря на Белом море, вследствие которой одна из плывущих лодок, на которой находились иноки Вассиан и Иона и пять мирян, была залита волнами, и все находившиеся на ней люди погибли. Это случилось в 1566 году. Тела их были принесены волнами в Унскую губу <...> и выброшены на берег, где в настоящее время находится Пертоминская обитель». Местные жители — крестьяне деревни Луды (см. ниже. — Н. В.) «решили перевезти тела в свое село

и там предать погребению с почестью по христианскому обряду около церкви. <...> Во время ночи преподобные, явившись ловцам во сне, заповедали им не возить их тела в село, а похоронить тут же, под большой сосной. <...> Над мощами их первоначально поставлен был один крест. В 1599 году, когда разнеслась по окрестностям весть о явлении преподобных, некоторым старцем Мамантом <...> июня 12 дня над мощами их поставлена была первая часовня, при которой, однако, населения и обитания людей не было. В 1617 году, в 25 день марта благоизволением Божиим некий старец, придя в Лудское селение, узнает от лудских жителей о преподобных Вассиане и Ионе и о месте их погребения. По совету лудских жителей поселиться там, <...> устроил келью и поселился в пустыне один. По некотором времени к сему старику присоединяются другие старцы: Савватий, Дионисий и священноинок Ефрем, и мирских людей двое — Козьма со своим сыном. Эти первые поселенцы и положили начало и основание Перто-

*Территория Пертоминского монастыря сегодня.
Фотография И. Бармина*

минскому пустынножительству. В непродолжительном времени поименованные пустынники решили воздвигнуть Господу храм, и 29 мая 1618 г. приступили <...> к рубке леса и доставлению его на выбранное место». Все проплывавшие мимо оказывали работающим посильную помощь. «Построив храм, священноинок Ефрем за благословлением освятить оный <...> должен был предпринять неблизкий и нелегкий путь в Москву. Испросив благословления у митрополита и получив атниминс, книги и пр., он отправился обратно в пустыню, но на пути был ограблен и убит литовцами. В то же время были убиты литовцами в Каргопольском уезде собиравшие [милостыню] на монастырское строение вышеупомянутый мирянин Козьма с сыном. Оставшиеся иноки пустыни отчасти по скудости к пропитанию, а более от страха нашествия литовцев разошлись; оставался в пустыне один только инок Савватий. Новопостроенный храм в продолжении пяти лет оставался неосвященным. Через

недолгое время к инок Савватию пришел в пустыню с Поноя⁴⁶ священник Иаков, который и решился отправиться в Вологду с ходатайством к архиепископу об освящении новосозданного храма. Окончив с помощью Божией благополучно свое путешествие, Иаков 24 сентября 1623 г. освятит новый храм в честь и славу Преображения Господня⁴⁷. В 1637 году насельники монастыря исходатайствовали разрешение «построить в обители другую церковь, в честь Успения Божией Матери, с приделом св. Алексия человека Божиего. Разрешение <...> было дано в грамоте от 5 марта 1637 г.» В 1679-м монастырь хлопочет о дозволении начать возведение «нового деревянного Преображенского храма с приделом великомученика Феодора Стратилата на месте первого обветшавшего. <...> Построение нового храма окончено было в 1684 г., и 28 сентября <...> совершено было его освящение. <...> В 1861 г. храм <...> был поновлен, покрыт досками, обшит тесом и окрашен охрой, а в 1892 г. покрыт же-

лезом. 5 февраля 1683 г. дана была грамота от царей Иоанна и Петра Алексеевичей на построение каменной церкви в честь Успения Божией Матери. <...> На построение этой церкви доставлялся казенный материал, монастырю от великих государей дарованы были многие льготы⁴⁸. Продолжалось строительство каменных церквей взамен деревянных⁴⁹. В 1807 году на месте «часовни, где почивают мощи св. Вассиана и Ионы, пришедшей в совершенную ветхость», начали возводить «небольшую каменную церковь». Работы завершились в 1814-м; «церковь была освящена во имя преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, <...> 26 июня. <...> В этой церкви была поставлена и гробница, в которой почивают мощи преподобных отцов Вассиана и Ионы, <...> при стене с южной стороны»⁵⁰.

«В голодный 1837 г. монастырь помогал поморам, которые приходили сюда (даже за 35 верст, из Сюзьмы), чтобы принять ломоть хлеба и отнести его к страдающей семье. Монахи с нанятыми рабочими сеют ячмень и рожь <...> и сажают овощи (даже огурцы в парниках). В монахах все больше люди дряхлые, ни к какой работе не способные, и в бесплатных рабочих — обетные»⁵¹.

В 1694 году у Летнего берега потерпел крушение бот, на котором после посещения Архангельска Петр I плыл к Соловецким островам. 30 мая «яхта, отойдя от Архангельска 120 верст, попала в такой страшный ураган, какого не помнили самые бывалые мореходы. Яхта была уже повреждена, надежда на спасение ка-

* * *

залась напрасной. Все приготовились к смерти, сам Петр принял причастие, <...> но продолжал одобрять упавших духом и управлять яхтой. <...> Лоцман Антипа Тимофеевич Панов решил для избегания гибели направить яхту через опасные Унские рога в Унскую губу. Опытный глаз и верная рука не изменили Антипе, и яхта, пройдя между рядами камней, в полдень 2 июля стала на якорь в виду Пертоминского монастыря». Под монастырским кровом царь, переживая бурю, провел три дня, оказав обители многие милости⁵². «На месте своего выхода на берег Государь своими руками сделал и поставил сосновый двухсаженный крест, находящийся ныне (1898 год. — Н. В.) в соборе в г. Архангельске. В 1894 г. на месте этого креста <...> поставлена небольшая церковь Животворящему Кресту и в ней помещены точная копия сооруженного Петром Великим креста, его портрет и крест, поставленный на сем месте путешественником конца XVIII столетия секунд-майором Петром Ивановичем Челищевым. На этом кресте вполне ясно сохранилась надпись: <...> «На сем месте водружен крест Петром Великим, деланный им, а обновлен его подданным и почитателем Петром Челищевым. 1891. VII»⁵³.

В 1920 году монастырь закрыли, позже (1929) разместив в нем детскую трудовую колонию⁵⁴. Все церкви снесли, прочие постройки сильно исказили. Сейчас на месте обители находится небольшой поселок Пертоминск.

Среди других селений Летнего берега — две старинные деревни Уна и Луда, расположенные на взморье Унской губы при одноименных реках. Селения разделяет всего четыре километра, и они очень схожи между собой.

Современная деревня Уна лежит несколькими километрами выше устья впадающей в Унскую губу реки Уны. Впервые упоминается в Уставной грамоте 1398 года, пожалованной Великим князем Московским Василием I боярам, сотскому и всем «черным людям Двинской земли». Этот документ относится ко времени первой попытки Московского княжества отнять Поморье у Великого Новгорода. В «Отказной новгородской грамоте на Двинские земли» (1471) Уна, называемая Унским Усольем, значится уже в числе великокняжеских владений, а наличие в названии слова «Усолье» свидетельствует, что уже тогда в Уне (как и в Луде) занимались солеварением. В начале XVII века Уна — посад, имевший собственную торговую-ремесленную часть⁵⁵.

«Унский приход состоит из Унского посада, в котором находятся две приходские церкви, и из деревни Красногорской с приписной церковью. Несомненно, что это один из древнейших приходов; образование его, вероятно, совпадает с устройством на Уне первой церкви в 1501 г., существующей по настоящее время (1894 год. — Н. В.) и при всем том весьма прочной. Первоначально она бы-

ла однопрестольной — во имя священномученика Климента⁵⁶; но в 1871 г. пристроены два придела: Иоанно-Богословский с северной стороны и Николаевский с южной, вследствие чего она имеет в настоящее время вид креста. Вторая церковь — однопрестольная во имя Св. Троицы — устроена в 1848 г. и имеет вид корабля. При них отдельно стоящая колокольня, обнесенная вместе с церквями оградой. <...>

В приходе имеются церковноприходская школа в Унском посаде, открытая 7 янв. 1891 г., и школа грамоты в Красногорской деревне с 22 дек. 1893 г. Первая помещается в доме священника, состоящего и законоучителем ее безвозмездно; учительницей же состоит его жена. Учащихся к 1 янв. 1894 г. было 24 мальчика. Школа грамоты помещается в Красногорской приписной церкви. <...> Прихожан <...> в Унском посаде при приходских церквях к 1 янв. 1894 г. было 438 м. п. и 509 ж. п.; в Красногорской деревне при приписной церкви в 1890 г. числилось 118 душ м. п. и 152 ж. п. Приписная церковь в Красногорской деревне устроена в 1893 г. вместо прежде бывшей часовни на средства московского купца Ивана Федоровича Логинова. В ней один престол во имя святителя и чудотворца Николая»⁵⁷.

В 1940–1943 годах Уна являлась административным центром Беломорского района Архангельской области. Ныне Уна и Луда — сельские населенные пункты в составе Пертоминского сельского поселения.

*Уна. Климентовская церковь сегодня.
Фотография из фондов Северодвинского краеведческого музея*

*Церковь священномученика Климента в посаде Уна.
Реконструкция западного фасада. Рисунок В.В. Сулова*

* * *

«Следующие по Летнему берегу селения Яренга и Лапшенга⁵⁸ выстроены на песчаном берегу и оба имеют по одной церкви, около 50 домов и по сто обывателей (здесь и далее приводимые в цитате сведения относятся к середине XX века. — Н. В.). <...> С севера от Лапшенги берег к деревне Дураковой⁵⁹ значительно возвышается. Выступают из-за побережья лесистые холмы, известные под названием Летних гор, поднявшихся над морем от 30 до 50 сажен. Однако общий вид берега безотраден: тускло горят во всегдашней мрачности воздуха беломорских побережий сельские кресты и главы, хотя солнце и благоприятствует лучшему явлению. Серенькими кучками кажутся из морской дали дома деревень этих. За ними мрачно чернеет лес, раскинутый по горам, и страшно глядят зубья и щели прибрежного гранита, за который цепляется весь этот сосняк и ельник. За маленькой бедной деревней Дураковой <...> берег становится до того каменист, что кажется целой огромной поленицей набросанных один на другой кругляков. К тем из них, которые подмываются водой, прицепилось несметное множество маленьких белого цвета раковин, в которых от действия солнечных лучей и приливов воды развиваются морские улитки»⁶⁰.

Яреньга (см. прим. 58) известна «уже с XVI в. под именем Яренгского погоста, в котором была деревянная церковь во имя святителя и чудотворца Николая, устроенная, вероятно, на средства Соловецкого монастыря, имевшего много-

численные угодья по всему побережью Белого моря. При ней было несколько человек братии, как это видно из записок, отысканных в давние времена у яренгских крестьян, в которых, между прочим, говорится: «У моря на берегу погост Яренга, а на погосте церковь Николая чудотворца деревянная с трапезой да часовня; а в церкви образа святые, иконостас и колокола». <...> Поэтому Яренгский погост назывался даже Яренгским монастырем»⁶¹.

В 1635 году погост передали Соловецкому монастырю «со всем строением и с живущими в оном же оброчными, бобыльскими и казачьими людьми с дворами и со всеми угодьями. Погост этот стал известен особенно после явления почивающих в нынешнем Зосимо-Савватиевском Яренгском приходском храме мощей св. Иоанна и Логгина, бывших послушниками Соловецкого монастыря, <...> утонувших 1561–1563 гг. вместе с другими труженниками Соловецкими, плывущими на 15 судах с известью. <...> Найденные вскоре после потопления [их тела] были преданы земле — Иоанна на берегу р. Сярты в 7 верст. на запад от Яренги <...> и Логгина на берегу р. Сосновки в 8 верст. на восток от Яренги. <...> Затем спустя 25 лет честные мощи угодников Божиих по особым чудесным указаниям были перенесены к храму свят. Николая и положены — св. Иоанна под южной и св. Логгина под северной стеной часовни, нарочито перед этим построенной в честь угодников. <...> Яренгский погост, или монастырь, обращен в приходскую церковь, вероятно, во время повсеместного распоряжения правительства об отбирании

Деревни Яренга (Яреньга), Лопшеньга.
Фотографии С. Нечаева

от монастырей большей части вотчин. <...> В настоящее время (1894 год. — Н. В.) в Яренгском приходе две церкви: одна каменная однопрестольная во имя свят. и чудотв. Николая, устроенная в 1812 г. и освященная в 1813 г. вместо прежней деревянной, устроенной в XVI в. и сгоревшей в 1811 г. Другая также однопрестольная во имя Зосимы и Савватия Соловецких, устроенная <...> в 1632 г. на средства Соловецкого монастыря, в коей почивают мощи святых и праведных Иоанна и Логгина, яренгских чудотворцев. Церковь эта деревянная, довольно высокая и прочная. <...> В приходе в 1884 г. была открыта церковноприходская школа, переименованная затем в школу грамотности, помещающуюся в доме священника, который состоит законоучителем и учителем безвозмездно. <...> Прихожан к 1 января 1894 г. состояло 189 душ м. п. и 183 ж. п., проживающих близ приходских церквей в одном Яренгском селении, в коем 64 двора. В приходе имеются три часовни: одна на берегу Белого

моря у реки Сярты в 7 верстах на запад от Яренги — на месте обретения мощей праведного Иоанна, другая на берегу Белого моря у р. Сосновки в 8 верст. на восток от Яренги на месте обретения мощей прав. Логгина и третья близ приходских церквей над могилами св. Иоанна и Логгина, почивавших своими нетленными телесами под стенами ее пятьдесят лет до перенесения их в Зосимо-Савватиевскую церковь»⁶².

Два других селения западной части Летнего берега — Лопшеньга (см. прим. 58) и Летний Наволок (Дураково) — мало чем примечательны, но каждое из них в старину являлось центром прихода.

«Лопшенгский приход существовал еще в прошлом (XVIII. — Н. В.) столетии, <...> затем на время он был закрыт, а в 1858 г. снова открыт. В нем одна деревянная церковь о трех престолах: во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы и препод. Кирилла Белозерского в летней холодной части и свят. Филиппа в зимней теплой; последний устроен в 1865 г.;

здание самой церкви обшито и окрашено»⁶³.

«Дураковский приход состоит из одного села того же имени, расположенного на северном берегу носа (мыса. — Н. В.), отделяющего Двинскую губу от Онежской. <...> В приходе одна деревянная церковь, устроенная в 1842 г., крытая тесом и наполовину обшитая; возле нее стоит колокольня; оба здания обнесены оградой»⁶⁴.

* * *

Мыс Летний Наволок, помимо того, что здесь находится одноименное с ним крайнее западное селение Летнего берега, примечателен тем, что в пятнадцати километрах от него лежит небольшой остров Жижгин, на котором до сих пор сохранился один из самых старых на Белом море маяков.

«С каменистого мыса Ухт-Наволока виднелся в дали моря по направлению к северо-востоку остров Жожгин,

Действующий маяк на острове Жижгин

Умыса Летний Наволок. Фотография И. Бармина

или Жегжизня⁶⁵, как будто весь затянутый в туман, обитаемый только служителями при маяке, освещаемом с 1842 года»⁶⁶.

Изначально маяк был деревянным. Построил его в 1760 году обосновавшийся на Онеге английский лесопромышленник Вильям Гом. Однако в 1780-х годах с прекращением деятельности В. Гома оказался заброшенным и маяк. А в 1838 году на его месте началось сооружение нового, каменного, по проекту выдающегося гидрографа, адмирала российского флота Михаила Францевича Рейнеке. В 1841-м здесь поднялась капитальная 20-метровая маячная башня.

Позже (1843) при маяке была учреждена гидрометеорологическая станция. Первыми в документах станции упоминаются унтер-офицер Порывкин и коллежский регистратор Исаковский. В 1890 году к наблюдениям приступил смотритель маяка Ефим Иванович Ратманов. Более сорока лет он, а затем четверо его сыновей и двое дочерей несли

на станции круглогодичную вахту.

Неподалеку от метеостанции в конце 1910-х годов появился пункт по добыче морских водорослей для открывшегося в январе 1918-го в Архангельске йодного производства (в настоящее время — ОАО «Архангельский опытный водорослевый комбинат»).

* * *

В заключение скажем несколько слов о быте, занятиях и хозяйственном укладе обитателей Летнего берега в XIX — начале XX века. Картина предстает довольно однообразной. Вот что по сему поводу заметил писатель С.В. Максимов, путешествовавший по Северу в начале 1860-х годов: «Те же задымленные старье солеваренные сараи <...> попадают за Сюзьмой, в Красной горе и в Унском посаде; те же слышатся рассказы о том, что и здесь ловят по осеням в переметы семгу, что в неводы охотно попадает и навага, что так же у берега выстают белу-

ги⁶⁷, но что не ловят их за неимением неводов, которые дорого стоят, <...> что во всех этих местах по осеням идет и сельдь, но в весьма незначительном количестве сравнительно с камским поморьем. Те же двухэтажные дома, те же деревянные церкви или вместо них такие же часовни мелькают в каждом селении; тем же безлюдьем поражают прибрежья моря. <...> Разницы в способах ведения промыслов между всеми этими селениями нет никакой, кроме, может быть, того только, что в Уне (посаде) обыватели ходят также в лес за лесной птицей по примеру следующих деревень к городу Онеге, на значительное уже расстояние удаленных от моря, каковы: Нижнеозеро, Кянда, Тамица, Покровское и другие. На 20, на 30 верст удалены селения одно от другого, и только по две, много по три часто пустых промысловых избушки напоминают на всех этих перегонах между приморскими деревнями о близости жизни, труда и разумных существ. Чем-то необычайно приятным, как будто какую-то наградой за долгие мучения кажется после каждого переезда любое из селений, в которое везут наконец с великим трудом передвигающие ноги почтовые лошаденки. То же испытывается и в следующих за Сюзьмой селениях — в деревне Красной горе и в посаде Унском»⁶⁸.

Примерно в одно время с Максимовым побывал на Летнем берегу и другой известный знаток Севера — князь Л.А. Ухтомский. Его впечатления: «Рассматривая домашний быт жителей Сюзьмы, их нельзя

«Дороги» беломорского побережья.
Фотография Е.А. Михайлина

назвать зажиточными, но во всяком случае они имеют больше достатков, чем крестьяне внутренних губерний. Начать с того, что близость Архангельска дает поморам возможность иметь много заработков поденщиной. По берегу Сюзьмы разбросано немало плавнику и всякого лесу, который выбрасывается морем, так что, по-видимому, дров не приходится покупать. С весны жители питаются морской рыбой, и каждый домохозяин имеет свою лодку и свои снасти. Ловится камбала, селедка, навага и мелкая треска. Из морских рыб не едят только вьюна. <...> Часть пойманной рыбы вялят в запас. После страды в августе месяце промышленяют семгу и охотятся на лесную дичь. С 1 октября промышленяют нерп, а зимою охотятся на морского зверя. К сожалению, все эти заработки — случайные: выдаются года, когда бурные погоды отгоняют от берега рыбу и морского зверя; случается тоже, что и птиц бывает мало в лесах; а так как хлеб родится в поморье не-

достаточно для пропитания местных жителей, то поморы нередко терпят нужду, входят в долги, и потому для поддержания благосостояния жителей необходимо поднять другие отрасли домашнего хозяйства: огородничество и скотоводство»⁶⁹.

На протяжении веков основной «валютой» поморов Летнего, да и всех остальных берегов, оставалась семга. По наблюдениям, сделанным в 1910 году, «на всем берегу нет такого места, где бы семга совсем не ловилась: тони без перерыва следуют одна за другой. Весь Летний берег можно себе представить уставленным тайниками (промысловыми «снарядами»). — Н. В.»⁷⁰.

Лов семги производился «броднями, поездами, тайниками, заборами, заколами и прочими [способами]»⁷¹, но главным образом ставными неводами, когда необходимо было «сторожить» рыбу. С.В. Максимов: «На море торчали в несметном множестве надводю колья, подле которых качался карбас, стоящий на якоре»; в этом карбасе сидел

сторож. Как только рыба попадает в сети, поплавки начинают дергаться, и это замечает сторож, он начал сильно кричать, чтобы его услышали на берегу и вытащили сети»⁷².

Процветал и заборный лов⁷³ семги. Самый известный забор на Летнем берегу существовал около Солзы, находясь в общинном владении. Община еще зимой запасалась лесом и другим материалом. Весной около сотни человек выходили на работу и в три дня устраивали забор. Когда начинался лов, двое очередных ежедневно отправлялись к забору, осматривали его и кротили⁷⁴ попавшуюся рыбу. Кто по тем или иным причинам не ходил, платил штраф 25 копеек за каждый пропущенный день. Рыбу

солили сообща и отвозили на продажу в Архангельск, а вырученные деньги делили подушно.

Исследователь Севера Л.В. Костиков в 1910 году писал: «Посетил деревни Таборскую, Солзу, Нёнокский посад, Сюзьму, Красную Гору и Пертоминский монастырь. <...> Все эти деревни на один лад, живут одним общим укладом»⁷⁵. То же отмечали в XIX — начале XX века многие другие путешественники.

Сельским хозяйством поморы всерьез не занимались. «Скотоводство здесь в самом плохом состоянии, не представляет предметов дохода, а существует только для домашнего хозяйства. Упомянув о скотоводстве, нужно сказать, что здесь лошади мелки и слабы. Скот тоже

мелок и мясо его без вкуса по причине плохого корма и недостатка лугов. Овцы мелки и шерсть у них грубая. Зимой сеном кормят только овец, а рогатый скот кормят мхом (ягелем). По словам поморов, ягель, выбранный в одном месте, вырастает через 6 лет. Из огородных овощей в Сюзьме сажают только картофель»⁷⁶. Хлебопашество было «незначительно по бесплодию почвы и суровости полярного климата»⁷⁷. В начале XX века «земледелием по всему Летнему берегу занимались женщины; мужское население летом — на рыбных промыслах. <...> Помимо земледелия, женщины издавна составляли основную рабочую силу на сенокосе, разводили и содержали скот, <...> вели домашнее хозяйство»⁷⁹.

¹Автор имеет в виду другие области Поморья — Терский, Кандалакшский, Корельский (Карельский) и Поморский берега.

²Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния (Ледовый океан и Белое море. Мурман. Лапландия. Карелия. Поморье. Кемь. Онега. Северная Двина. Архангельск. Холмогоры. Пинега. Шенкурск. Мезень. Канин. Печора. Новая Земля. Карское море). Пг., 1919. С. 49.

³Этот термин характерен в основном для Русского Севера и за пределами Архангельской губернии почти не встречается. Означает луг, покос, выгон, пустошь.

⁴Елизаровский И.А. Язык беломорских актов XVI—XVII вв. Грамматика. Архангельск, 1958. С. 8.

⁵Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 95—135.

⁶Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960. С. 39—40.

⁷Early voyages and travels to Russia and Persia, by Anthony Jenkinson and other Englishmens. Vol. I. London, 1886. P. CXXI, CXLVIII.

⁸Списки населенных мест Российской империи. 1. Архангельская губерния. СПб., 1861. С. 118.

⁹Видимо, от искаженного исторического названия «каянские немцы» — так в старину именовали живущих в пограничных с Карелией районах Швеции финляндских шведов.

¹⁰Ефименко П.С. Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869. С. 98.

¹¹Шмигельский Л.Г. Переключка времен // Северодвинск. Испытание на прочность. Очерки, воспоминания, исследования. Северодвинск, 1998. С. 26.

¹²Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. I. Уезды Архангельский и Холмогорский. Архангельск, 1894. С. 213—214.

¹³Ченслер (Ченслор) Ричард (?—1556) — английский мореплаватель, первым установивший торговые отношения между Россией и Англией.

¹⁴Григоревский М. Николаевский Корельский третьеклассный монастырь // Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. Архангельск, 1902. С. 281.

¹⁵Там же. С. 281—282.

- ¹⁶Огородников С.О. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 16.
- ¹⁷Григорьевский М. Указ. соч. С. 282.
- ¹⁸Титов А.А. Летопись Двинская. М., 1899. С. 7.
- ¹⁹Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. С. 318.
- ²⁰Григорьевский М. Указ. соч. С. 285.
- ²¹Там же. С. 287.
- ²²Там же. С. 288.
- ²³Деревни Уна, Нёнокса и Солза находятся на Летнем берегу, а Варзуга — на побережье Кольского полуострова, в той его части, что называется Терским берегом.
- ²⁴Григорьевский М. Указ. соч. С. 289—290.
- ²⁵Там же. С. 292.
- ²⁶Там же. С. 293.
- ²⁷Там же. С. 300.
- ²⁸Там же. С. 306.
- ²⁹Там же. С. 308, 311.
- ³⁰Там же. С. 313—314.
- ³¹Там же. С. 318—319.
- ³²Титов А.А. Указ. соч. С. 4—5.
- ³³Островский Д.Н. Путеводитель по Северу России. Архангельск, Белое море, Соловецкий монастырь, Мурманский берег, Новая Земля, Печора. СПб., 1898. С. 49—50.
- ³⁴Троицкая церковь в Нёноксе — единственный в России деревянный пятишатровый храм, сохранившийся до настоящего времени.
- ³⁵Краткое историческое описание... С. 214—216.
- ³⁶Максимов С.В. Год на Севере. СПб., 1864. С. 41.
- ³⁷Там же. С. 217.
- ³⁸Островский Д.Н. Указ. соч. С. 50.
- ³⁹Архангельский сборник. Ч. 1. Кн. 1. Архангельск, 1863. С. 229—236.
- ⁴⁰Краткое историческое описание... С. 217.
- ⁴¹Островский Д.Н. Указ. соч. С. 50.
- ⁴²Там же.
- ⁴³Максимов С.В. Указ. соч. С. 43—44.
- ⁴⁴Жилинский А.А. Указ. соч. С. 47.
- ⁴⁵Островский Д.Н. Указ. соч. С. 150.
- ⁴⁶Поной — река в восточной части Кольского полуострова.
- ⁴⁷Добровольский И. Пертоминский монастырь // Краткое историческое описание монастырей... С. 409—411.
- ⁴⁸Там же. С. 409—415.
- ⁴⁹Там же. С. 417.
- ⁵⁰Там же. С. 418—420.
- ⁵¹Максимов С.В. Указ. соч. С. 44—45.
- ⁵²Голубцов А. Крест Петра Великого в Архангельском кафедральном соборе // Петр Великий на Севере. Архангельск, 1909. С. 27.
- ⁵³Островский Д.Н. Указ. соч. С. 52.
- ⁵⁴О Пертоминской детской колонии // Известия Архангельского губернского Ревкома и Архгубкома Р.К.П. 1920. 10 июля.
- ⁵⁵Шмигельский Л.Г. Указ. соч. С. 21.
- ⁵⁶Известный архитектор В.В. Суслов, обследовавший храм в конце 1880-х гг., относил эту постройку к XVII в. (см.: Академик архитектуры Владимир Васильевич Суслов. 1857—1921. Каталог выставки. Чертежи акварели, проекты реставрации, архитектурные фантазии. Л., 1971).
- ⁵⁷Краткое историческое описание... С. 218—219.
- ⁵⁸В современной транскрипции — Яреньга и Лопшеньга.
- ⁵⁹Современное название — Летний Наволок.
- ⁶⁰Максимов С.В. Указ. соч. С. 45.
- ⁶¹Краткое историческое описание... С. 220.
- ⁶²Там же. С. 220—223.
- ⁶³Там же. С. 224.
- ⁶⁴Там же. С. 44.
- ⁶⁵Старые названия.
- ⁶⁶Максимов С.В. Указ. соч. С. 48.
- ⁶⁷Белугами в старину и поморы, и остальное население на Севере называли белух (вид зубатых китов из семейства нарваловых). «Выстают» — поднимаются на поверхность, чтобы набрать воздуха.
- ⁶⁸Максимов С.В. Указ. соч. С. 42—43.
- ⁶⁹Ухтомский Л. Сюзьма. Этнографический очерк. СПб., 1876. С. 1—2.
- ⁷⁰Алеев В.Р. Поездка на Летний и Онежский берега Белого моря в 1910 году и описание морских рыболовных угодий // Материалы к познанию русского рыболовства. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. С. 81—82.
- ⁷¹Костиков Л.В. Отчет о поездке в Архангельскую губернию летом 1910 г. (Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 349. Л. 40).
- ⁷²Максимов С.В. Указ. соч. С. 37.
- ⁷³Забор — конструкция из бревен и прутьев, полностью или частично перегораживающая русло реки во время нереста рыбы (род ловушки).
- ⁷⁴Глушили.
- ⁷⁵Костиков Л.В. Указ. соч. Л. 48, 91.
- ⁷⁶Ухтомский Л. Указ. соч. С. 2.
- ⁷⁷Максимов С.В. Указ. соч. С. 41.
- ⁷⁸Костиков Л.В. Указ. соч. Л. 51, 91.

*Преподобные Вассиан и Иона Пертоминские.
Икона второй половины XIX века.
Архангельский музей изобразительных искусств*